

«АКСИОМЫ РЕЛИГИОЗНОГО ОПЫТА» КАК ЛОГИЧЕСКИЙ ИТОГ РЕЛИГИОЗНО- ФИЛОСОФСКОГО ТВОРЧЕСТВА ИВАНА ИЛЬИНА

А. МИКРЮКОВ

В январе 1955 года, в Нью-Йорке, в первом номере газеты «Православная Русь», вышла статья архимандрита Константина (Зайцева), посвященная некогда оппоненту, а затем единомышленнику – Ивану Ильину, в которой, в частности, отмечалось: «Ильин есть порождение Имперской России, ее умственного закатного расцвета, давшего такое множество выдающихся трудов по всем отраслям знаний. Останься Иван Александрович на этом пути, место его было бы среди научной элиты как одного из ярчайших ее представителей... Не замкнулся, однако в науке Иван Александрович. Не отдался он и стихии общественной, несшей эту элиту по течению. Именно в Зарубежье вырос он в иного Ильина – духовного вождя, учителя, пророка, проповедника. И в этом образе он уже чадо Новой России, той духовнообновленной Исторической России, которая одна только способна вернуть миру дальнейшую жизнеспособность, если только ей удастся обрести снова национально-государственную плоть. Надо ли говорить, какие потенциальные силы заключаются, под этим углом зрения, в наследии Ивана Александровича?!» [1]

Чтобы понять причину прозрений И.А. Ильина, недостаточно лишь принимать его как даровитого ученого.

Важно знать и путь его жизни, ибо для ученого, занимающегося изучением социокультурных явлений, значимым является непосредственное погружение в процессы и внутреннее их созерцание.

Духовный путь И.А. Ильина был весьма тернист, его религиозный опыт многогранен, что характерно для сложной и духовно-утонченной личности.

Личность Ильина необычайно сложная, характеризующаяся повышенной эмоциональностью и психической возбудимостью. В юности он, вероятно, страдал от особенностей своего психического склада, пытался найти способы преодоления сложных душевных движений, о чем говорит его обращение к психоанализу З. Фрейда в 1910 г., когда он был его пациентом.

Блестящий ум Ильина, его работы в области изучения немецкой философии, мастерское овладение всеми тонкостями философии Гегеля являются обратной стороной особенностей его психического склада. Воспринимая любое жизненное явление необычайно остро и болезненно, видя в нем в первую очередь негативную сторону, он способен был также остро и тонко чувствовать малейшие нюансы и в сложнейшей философской системе.

По воспоминаниям знавших его до революции людей, он отличался весьма

неуживчивым характером, склонен был к самым неожиданным и радикальным решениям. Сам же Ильин о своих особенностях не раз говорил близким друзьям, пытаясь их объяснить, поскольку, по его собственному признанию, эти особенности могли понять всего несколько человек. Так, например, говоря о резком тоне письма к П.Б. Струве, он в своем последующем письме пишет ему о «творческих котлах духа»: «Я не умею писать, не приведя их в состояние известного кипения при *открытой крышке*. Затычка в печатании... вызывает эффект *захлопнувшейся крышки* при воде, раскипевшейся в открытую... Я не всегда волен писать заказное. Обрывать же на 200-й и 300-й строке мне всегда трудно: телеграфный столб только разгудится – и ток больше не нужен. А если у меня появляется сомнение в том, что я, может быть, «кипел» и «обрывал» зря – и что «оборванные» «нити» должны засохнуть... – тогда я начинаю *задыхаться*, мне легче совсем замолчать – моя личность начинает давать трещину, и в трещину течет «лава» «протеста» и «отставки»... Вся эта «термодинамика» и «вулканистика» мною переживается остро и тягостно» [2, 232].

Речь идет о том, что любая психическая, умственная или душевная реакция у Ильина протекала в направлении полного и решительного раскрытия ее до конца. Московский издатель молодого Ильина Г.А. Леман-Абрикосов вспоминал, что Ильин «как-то сказал... что он что-нибудь пишет только, когда у него в голове все до последнего слова готово» [3, 75]. Данная особенность была основой творчества Ильина, иначе он творить не мог, не умел и не хотел, поскольку был убежден, что только таким образом человек должен философствовать. В письме к И. Шмелеву он

писал: «В 1921-1922 году, убранный в Москве большевиками с юридического факультета, я вел в философском Институте два курса... Я вел оба курса без *записок*, – *вдохновенным созерцанием*. Обычным актом: цельным, с участием сердца, воли, видения и мысли. И вот, студенты мои никак не могли понять, что моего стула никак нельзя задевать – что я испытываю каждый толчок или прикосновение как электрический разряд в нервной системе, как резкий толчок по духу... я реагировал на это болезненно, а они, вероятно, думали что это – раздражительность голодного профессора или же просто «каприз». Наконец, я разъяснил им, что при этом происходит, что это процесс большой и интенсивной концентрации, не терпящий прерывающих толчков и разрядов» [4, 347-348].

По словам самого Ильина, он входил *цельным актом сознания* в состояние интеллектуальной активности, и далее становился как бы пророком, изрекающим то, что ему открывается. Пободный религиозный акт характерен для мистических практик многих религий, особенно восточных – буддизма и даосизма, древнего иудаизма (практика пророчеств, «сынов пророческих»). Для приверженцев названных религий, упражняющихся в духовном созерцании, выработка такого цельного акта является большой и сложной задачей, в то время как у Ильина это было, скорее всего, врожденной особенностью. Такое «пророческое» состояние зачастую придавало его суждениям характер непрекаемых истин, что вызывало недоумение и неприятие со стороны критиков.

Именно в сочетании указанной особенности с приматом волевых и интеллектуальных сторон, на первый взгляд противоположных, и состояло своеобразие его личности и творчества.

В современной литературе исследователи философского наследия И.А. Ильина выделяют этапы его жизни и творчества в соответствии с эволюцией его отношений к религии, философии, культуре, политико-правовых идей. Так, И.И. Евлампиев выделил три периода:

- 1909-1917 гг. – время последовательного изучения и принятия немецкой философии;

- 1918-1931 гг. – отход от западных рационалистических идей и переход к православному мировоззрению;

- 1931-1954 г. – период, который Ильин посвятил разработке православной философии.

Н.П. Полторацкий разделил периоды жизни и деятельности И.А. Ильина географически, но суть остается та же – от рациональных философских построений немецкой школы к наполнению их конкретным духовным содержанием на основе личного опыта жизни в православии.

Переворот в мировоззрении Ильина произошел в период после 1917 года. До этого времени Ильин был верующим человеком, но вера его была далека от церковной, при видимом сходстве. Показательна в этом отношении речь, произнесенная им на торжественном заседании Московского Психологического Общества 22 марта 1914 г. – «Философия Фихте как религия совести». В этой речи Ильин высказался о церковной форме верования как о сковывающем свободу мышления факте; всю эпоху средневековья, когда водителем человечества была Церковь, он считал периодом крайнего упадка и извращения самой сути религии: «Еще не прошло четырехсот лет с Рождества Христова, как христианская власть стала угрожать смертной казнью еретикам и приводить угрозу в исполне-

ние. Это имело как бы провиденциальное значение. Усилия средних веков были направлены на то, чтобы оторвать человечество от самостоятельного и непосредственного духовного опыта и прикрепить все внутренние творчество к обязательному усиленному воображению и изображению того религиозного и нравственного опыта, который приписывался Иисусу Христу, и который был истолкован церковной властью прошедших столетий» [5, 480]. Резюмируя следствия такого подхода церкви к воспитанию своих последователей, он говорит: «Сложилось нелепое и чудовищное представление о религиозном «профане» как о человеке, неспособном к подлинному религиозному опыту и обязанному верить в то, что ему предпишут другие. Между тем содержание этого обязательного духовного опыта становилось все малопонятнее, все недоступнее; оно уходило все дальше от того простого, непосредственного сознания, к которому обращалось слово Иисуса; все уменьшалось число людей, могущих сделать его предметом своей непосредственной очевидности; и те, кому это было дано, начинали видеть иное, начинали молчать из страха или говорить о двух истинах» [5, 480-481]. Никакие «соборные» (церковные) истины, не пережитые человеком лично, Ильин не считал таковыми.

Способность мыслить, анализировать данное в личном опыте духовной жизни, составляет главное достоинство истинного философа. Подлинная философия, согласно рассуждениям Ильина, «всегда была и будет разумным познанием того, что непосредственно дано во внутреннем духовном опыте как безусловное» [5, 479].

Ильин говорит об Эпохе Возрождения в общем и Реформации в частности

как о времени освобождения: «Эпоха Возрождения положила начало этому делу, незаконченному еще и поныне. То, что возродилось, был именно свободный, непосредственный духовный опыт, новое испытывание живой природы, живой красоты, новое постижение Божества, новое, свободное видение о добре и зле. Реформация провозгласила этот самостоятельный внутренний опыт верховным источником религиозной очевидности, и новая философия обрела на этом пути свое единое и великое здание. Создать новое разумное самостоятельное учение о Боге, мире и человеке на основе освобожденного духовного опыта, на основе свободной познавательной очевидности, личной по форме, но сверхличной по содержанию и значению – вот это задание всей новой философии, стоящее и перед нами, в наши дни...» [5, 481]

В то же время, высказывая похвалы в адрес протестантизма, Ильин сознает и его ограниченность, но подозрение в его «недоброкачественности» остается, судя по всему, не до конца сформулированным и волнует его сознание: «Все протестантство есть борьба за новую, правда, но правую веру... протестантство не спасало верующую душу от состояния придавленности от всюду... и, следовательно, от неизбежных угроз и осуждений» [6, 325].

В центре религиозного мировоззрения Ильина стояла идея личности. В свете этого в указанный период жизни, до 1917 г., он не признавал Божественности Иисуса Христа, что откровенно противоречит христианству, зиждущемуся исключительно на догмате Боговоплощения. Продолжая речь о свободемыслии Фихте, он писал: «Сам Фихте устанавливает свою непосредственную духовную близость к учению Иисуса в том виде, как оно представлено в еван-

гелии от Иоанна. Однако религиозный опыт Иисуса не повторяется и не воспроизводится им как чужое, хотя и Божественное откровение. То, что излагает Фихте, открылось ему в *самостоятельной*, лично-сверхличной очевидности, на пути философской интуиции, обращенной к нравственности как к испытываемому предмету. Философия для него есть единственный путь к Богу, и философ, как он это открыто высказывает, приходит к учению о Богочеловечестве, утерянном на протяжении веков, – независимо от христианства. И в самом евангелии от Иоанна Фихте различает метафизическую истину и ее историческое одевание: он исповедует Бога неличного; он признает Христа первородным и единокровным сыном Божиим, но лишь в том смысле, что ему первому открылось единство всех людей с духом Божиим; он открыто отвергает букву обрядного и эмпиристического истолкования, выработанного позднейшими веками» [5, 497-498]. Для Ильина этого периода философствования признание Богочеловеческой Личности умаляло роль личности человеческой; более того, самостоятельные поиски и личное духовное самоопределение ценилось Ильиным более высоко, чем простое повторение «религиозного опыта Иисуса» [5, 497].

Главное религиозное открытие Ильина в этот период заключалось в том, что Божественная сфера и человеческая личность не являются противостоящими, несоприкасающимися областями. Путь в сферу Божественного – философия, как ее понимает Ильин: с участием цельного акта человеческого сознания, который соприкасается и даже, как тогда казалось Ильину, совпадает, срастворяется с Божеством, обретая покой и радость. Но что есть божественная сфера, является ли она

Богом-Личностью, или это некий океан сознательного или бессознательно-го, остается до конца не ясным. Однако, учитывая роль личности у Ильина, можно предположить, что все же Бога он понимает как личность особого рода.

Подводя итог краткому обзору начального периода творчества Ильина, можно с уверенностью сказать, что в это время философ находился в поиске системы, которая могла бы вместить его собственный опыт внутренних переживаний, или, пользуясь терминологией самого Ильина, опыт «религиозной очевидности».

1917 год для всей России явился переломным. Эпоха сменяла эпоху, с треском рушились казавшиеся неизблемыми ориентиры. Однако это время было охарактеризовано духовным подъемом, как об этом свидетельствует, в частности, в своих воспоминаниях Г.А. Леман-Абрикосов: «Октябрьская революция застала русское общество в сильном религиозном подъеме. И первые годы революции ознаменовались наполненными храмами, участиями в крестных ходах профессоров и академиков, докладами на религиозные темы, глубокомысленными концепциями происходящих событий в аспекте религиозном и т.п.» [3, 79-80].

Не остался равнодушным к происходящим событиям и Ильин. По собственному свидетельству, его религиозное обращение к христианству и Церкви состоялось в 1919 г. Встав в оппозицию к большевикам, Ильин оказался в положении, когда ему ежедневно могла грозить смерть. Знакомым он не раз говорил о том, что три года упражнялся, воображая свой расстрел, чтобы к нему подготовиться.

Леман-Абрикосов в своих воспоминаниях писал о том, что Ильин, вопреки существовавшей в то время тенденции

организовывать кружки, партии, стоял «совершенно одиноко и в том смысле, что не примыкал ни к единому «кружку», течению, равно как, насколько мне известно, не принадлежал и к тем, кого можно назвать «церковниками». В полном соответствии со всем своим внутренним складом он гордо стоял как одинокая фигура, вынашивал свои личные взгляды и убежденно и страстно верил, что нашел нечто нужное если не христианству как таковому, то, во всяком случае, нашему русскому православию. То, что он нашел и к чему призывал, он твердо называл «реформацией», однако отнюдь не связывал этого с историческим лютеранством. Ильин просто полагал, что церковь как бы доживает себя, не способна удовлетворить нынешние потребности в области религиозной и что нужно как-то обновить ее, внести какой-то новый дух в ее жизнь, сделать ее вновь жизнеспособной. Он что-то писал в этом направлении, выступал с докладами, организовывал семинары в частных домах: я неоднократно на них бывал. В его выступлениях слышался пафос исповедника, вождя, чуть ли не пророка. Однако то, что мы от него слышали, было очень мало убедительно. Он упорно подчеркивал, и это, по-видимому, было одним из его основных тезисов, что «моя вера – это не твоя вера, а твоя вера – это не моя вера», всячески подчеркивал этот чисто личный элемент религиозных переживаний» [3, 80].

Тем не менее, именно этот период стал для него временем серьезного обращения к Евангелию, внимательному его изучению, временем обращения к Церкви и ее богатому наследию. Судя по фразеологии, употребляемой в письмах и статьях того времени, Ильин стал прилежным прихожанином Церкви не ранее 1920 г., а после 1925 г. он уже сво-

бодно владеет церковно-богослужебным языком.

Результатом знакомства, а затем и существенного проникновения Ильина в церковный опыт явился фундаментальный труд «Аксиомы религиозного опыта» (начатый в 1919 г.), который стал достаточно адекватным выражением христианского миропонимания на языке философии. Можно с большой долей уверенности сказать, что этот труд является главным в творчестве И.А. Ильина. В письме к архимандриту Константину (Зайцеву) по поводу «Аксиом» Ильин писал: «Опыт этой книги я носил в себе всю жизнь, от первой детской исповеди. Замысел книги был концептирован в 1920 году, когда я впервые по поручению Историко-философского факультета Моск<овского> Унив<ерситета> читал курс «Введение в историю религий». Затем из этого курса было прочтено несколько докладов в публ<ичных> Заседаниях Моск<овского> Псих<ологического> Общества. С тех пор я не расставался лабораторно с этой книгой. Одну главу Вы слышали в Праге. В Риге их удостаивал своим ободрением Владыка Иоанн Поммер (священномученик). Текст, постановка вопросов, разрешение их все уточнялись и углублялись из десятилетия в десятилетие. В 1946 году я сел за окончательный текст и завершил его в два неотрывных года. Еще два года ушло на мобилизацию накопленного богатства литературы (Св. Отцы! Оригиналы азиатских религий. Средние века. Новейшее). Я закончил все в Апреле 1951, причем

все было два и три раза отредактировано» [7].

Критики обвиняли Ильина в создании собственной религии на основании личного откровения, припоминая увлечение в юности немецкой философией, однако сам Ильин нисколько не стремился к созданию ни новой религии, ни новых догматов. «Аксиомы» можно назвать трудом, который выстрадан жизнью автора, и символично, что именно этот труд, которому Ильин посвятил почти всю свою жизнь, стал последним, вышедшим в печати при его жизни.

Ильина нельзя считать эталоном церковности (равно как и любого другого философа), но он на это и не претендует. Как писал Н.К. Гаврюшин, «следуя стопам В. Джемса («Многообразие религиозного опыта»), он стремился выявить и зафиксировать те религиозные переживания, которые безусловно общи для большинства людей, независимо от их причастности к какой-либо конкретной конфессии. Иными словами, он дает феноменологию религиозного сознания, а не церковно-учительную оценку его различных состояний...» [8, 498]

Сам же Ильин писал: «Я не пишу о Догматах, ибо они приняты мною в Никео-Цареградском составе... Я пишу об Акте: как должен сложиться акт веры в душе современ<енного> человека, все растратившего и оскудевшего. Ибо если он так сложится в любой душе, уже конфессиональной или неверующей, то акт этот приведет его к священному естеству Православия» [7].

-
1. *Константин (Зайцев), архимандрит.* Памяти Ивана Александровича Ильина // Православная Русь. Нью-Йорк, 1955. №1.
 2. *Ильин И.А.* Письма к П.Б. Струве // Ильин И.А. Pro et contra: Личность и творчество Ивана Ильина в воспоминаниях, документах и оценках русских мыслителей и исследователей. СПб., 2004.
 3. *Леман-Абрикосов Г.А.* Воспоминания (1900-1920) // Ильин И.А. Pro et contra: Личность и творчество Ивана Ильина в воспоминаниях, документах и оценках русских мыслителей и исследователей. СПб., 2004.
 4. *Ильин И.А.* Собрание сочинений. Переписка двух Иванов (1947-1950). М., 2000.
 5. *Ильин И.А.* Философия Фихте как религия совести // Евлампиев И.И. Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина. СПб., 1998.
 6. *Ильин И.А.* Шлейермахер и его «Речи о религии» // Евлампиев И.И. Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина. СПб., 1998.
 7. *Иван Ильин.* Письма к архимандриту Константину (Зайцеву). URL: <http://kaplun.narod.ru/ilyin.htm>
 8. *Гаврюшин Н.К.* Этюды о разумной вере. Минск, 2010.